

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-73-89>

УДК 008 + 398

ББК 71.05(2) + 85.113(2)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. С. Д. Синчук

г. Железноводск, пос. Иноземцево, Россия

ОБРАЗ «ДЕРЕВО-КОРОВА» В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: В статье рассматривается гипотеза о том, что в славянской народной культуре некогда существовало образно-семантическое отождествление коровы / быка и дерева. Анализ такого отождествления проводится с учетом особенностей языческого мировоззрения. Изображения рогатых животных почти не встречаются в славянском декоративно-прикладном искусстве, так как в контексте христианской религии рога приобрели отрицательное значение. Поэтому поиск следов обозначенной тематики следует проводить, используя соответствующий материал из фольклора, лингвистики, этнографии. Здесь также необходимо выйти за рамки славянского мира и обратиться к традиционным культурам народов, соседствующих со славянами на севере и северо-востоке; поскольку их христианизация осуществлялась в более позднее время, пережитки их языческих культов дошли до нас в большей сохранности. Происхождение образно-семантической связи между понятиями «корова / бык» и «дерево» объясняется тем, что данные животные, как и древо мировое, некогда являлись космологическими символами. Этим обусловлена взаимозаменяемость их образов, наблюдаемая в фольклоре и в ритуальной практике, а также — генезис целого ряда омонимов и однокоренных слов, бытующих в русской диалектной лексике и объединенных соответствующей тематикой.

Ключевые слова: корова, бык, мировое дерево, образ, загадки, сказки, пословицы, обряды, архаическое мышление.

Информация об авторе: Светлана Дмитриевна Синчук — кандидат педагогических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, просп. Свободы, д. 14, 357430 г. Железноводск, пос. Иноземцево, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3590-1653>

E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

Дата поступления статьи: 30.12.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.10.2022

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Синчук С. Д. Образ «дерево-корова» в славянской народной культуре // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 73–89.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-73-89>

На северорусских полотенежных вышивках порой встречаются изображения животных, слившихся корпусами (рисунок 1). Подобный тип композиции Б. А. Рыба-

ков обозначил как «сросшиеся туловищами кони или птицы, образующие фантастическую двухголовую фигуру (“ладью”)» [9, с. 677]. Г. С. Маслова определила некоторые из них как «полиморфные образы» [7, с. 92], хотя в данном случае не уточнила, части каких именно существ являются их составляющими.

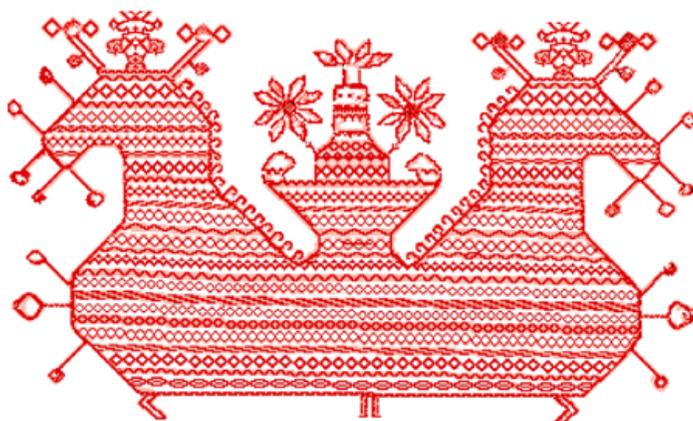

Рисунок 1 — Полиморфные образы в вышивке полотенца. Олонецкая губ.
Государственный музей Этнографии. Прорисовка автора статьи [7, с. 90, рис. 40-а.]
Figure 1 — Polymorphic Images in Towel Embroidery. Olonetskaya Guberniya.
State Museum of Ethnography. Drawing by the Paper's Author [7, p. 90, fig. 40-a.]

По своей композиции они схожи с полотенечными вышивками, где показаны слившиеся корпусами животные, атрибутированные исследователями как олени, поскольку их увенчивают олени рога (рисунок 2) [7, с. 74, 79; 9, с. 107, 647].

Рисунок 2 — Олени. Элемент вышивки полотенца. Новолодожский уезд.
Государственный музей Этнографии. Прорисовка автора статьи [7, с. 79, рис. 31-а]
Figure 2 — Deers. Element of Towel's Embroidery. Novoladozhsky Uyezd.
State Museum of Ethnography. Drawing by the Paper's Author [7, p. 79, fig. 31-a]

Такое композиционное сходство говорит о том, что животные, показанные на олонечкой вышивке, семантически подобны новолодожским оленям. Однако остается открытым вопрос, кто же все-таки здесь представлен. Для того, чтобы это выяснить, стоит внимательно присмотреться к изображениям и сравнить их с фигурами, которые часто встречаются на других вышивках и признаны «птичьими» и «конскими» (см. ил.: «Мотив птичьей “ладьи” в вышивке» [7, с. 65, 75] и «Мотивы коней в вышивке» [7, с. 78–81, 109, 112]). Массивные формы животных на олонечкой вышивке — тяжеловесность туловища, крупная голова с широким лбом, довольно затупленная передняя часть морды, мощная короткая прямая шея — не имеют ничего общего с более грациозными «птичьими» или «конскими» силуэтами. К тому же на голове у них — прямые короткие рожки, показанные спереди¹, а не конские уши, и не птичий «хохолок». Все это указывает на то, что перед нами изображение крупного рогатого животного — коровы или быка, заменившего оленя / лося, согласно некоторым исследованиям.

В эпоху формирования земледельческой культуры на смену охотничьим животным (олени и лоси) приходят домашние животные (быки / коровы), которые стали использоваться не только в хозяйстве, но и в ритуалах языческих жертвоприношений². Как полагают исследователи, данное обстоятельство свидетельствует об их семантической эквивалентности (см.: [8, с. 36; 19, с. 71–74] и др.).

О том, что быки и коровы мыслятся аналогом лосю или оленю, свидетельствуют и многочисленные примеры из русских народных говоров, где одни и те же слова могут обозначать и оленей / лосей, и домашний крупный рогатый скот [13, с. 147–148]. Такое наблюдение также дало исследователям основание считать, что «эти животные были, видимо, когда-то семантически близки» (см.: [2, с. 390] и др.)³.

В свете сказанного можно предположить, что на рассматриваемых вышивках тоже произошла замена фигур оленя / лося домашними рогатыми животными. В таком случае традицию изображения быка / коровы на полотенцах следует считать более поздней. Однако животных на таких вышивках при первом рассмотрении трудно признать быками, потому что их рога не так явно выражены; они более похожи на «процветшие» веточки. В христианскую эпоху, когда показ рогов, наделяемых отрицательным значением, был нежелателен⁴, это оказалось очень кстати.

В связи с запретом на изображения представителей рогатого скота как объектов древнего языческого культа, они практически не встречаются в славянском декоративно-прикладном искусстве. А значит, его следы следует искать, используя лишь соответствующий материал из фольклора, лингвистики, этнографии. Также в процессе поиска необходимо выйти за рамки славянского мира и обратиться к традиционным культурам народов, соседствующих со славянами на севере и северо-востоке; поскольку их христианизация осуществлялась в более позднее время, пережитки их языческих культов дошли до нас в большей сохранности.

Если быки / коровы заменили оленей / лосей в жертвоприношениях, в русской диалектной лексике, на вышивках, и были с ними семантически соотносимы, то им

¹ Принцип показа рогов спереди при профильных изображениях животных характерен многим архаическим культурам: первобытному искусству, искусству Древнего Египта и др.

² В северорусских преданиях (бытовавших на Ваге, под Каргополом, под Тихвином, на Белозере) повествуется об оленях, некогда прибежавших из леса на заклание (на Ильин день), и про то, что «теперь олени уже не приходят, и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот» [9, с. 72–73].

³ Поэтому примеры из фольклора, приведенные ниже, могут порой относиться и к тем, и к другим, что в нашем случае не имеет столь уж принципиального значения.

⁴ «Христианство <...> обратилось против языческого поклонения рогам, которые стали в средневековом искусстве знаком сатаны и его рогатых последователей» [18, с. 307].

могли быть присущи и соответствующие сакральные функции. В частности, как олень / лось отождествлялся с деревом [14], так же дендроморфными признаками могли наделяться и домашние животные. Это наблюдается на полотенечных изображениях: силуэты домашних животных, показанные ломаными линиями, словно вырублены из дерева; они увенчаны «цветущими» рогами-веточками и со всех сторон окружены мелкими стилизованными стебельками, как бы «прорастающими» из их тела. На этом основании можно предположить, что перед нами образ «дерево-корова», свидетельствующий о некогда существовавшем образно-семантическом отождествлении древнейших космологических символов — древа мирового и вселенского быка / коровы.

Корова / бык как космологический символ. Как древо мировое некогда являлось универсальным космологическим символом [17], так и бык (или корова) в древности тоже мыслился космологическим животным. Об этом свидетельствует его ритуальное восхваление в древнеиндийской «Атхарваведе», где он представлен воплощением всего мироздания⁵. С этим согласуется и то, что «санскр. *gô* <...> сохранившееся в русском *говядо*, имеет следующие значения: “бык”, “корова”, “небо”, “солнечные лучи”, “глаз” и “земля”» [21, с. 653]. В ведийских загадках *brahmodya*, обусловленных космологической темой, которые, по мнению В. Н. Топорова, соотносимы с концепцией мирового дерева, на вопрос: «Чему не найти меры?» дается ответ: «Корове не найти меры» [17, с. 120].

Мифический образ коровы как космологического символа нередко наделялся фантастическими чертами. В финской «Калевале» говорится: «Из огня крова вышла, / У нее рога золотые, / Среди лба у ней созвездье, / Меж рогов сияет солнце» [25, с. 127]. Также и «эпические сказания славянских племен обильны преданиями о <...> коровах <...> с частыми звездами по бокам» [21, с. 673]. Наличие космических символов, украшающих такую корову, свидетельствует о том, что перед нами — космологический образ.

На основании таких представлений в фольклоре многих народов о вселенском быке / корове его архаический образ наделяется фантастически огромными размерами. В «Калевале» теленок, которого убивают для свадебного пира (приносят в жертву), описывается как животное гигантской величины: «Был у Тавастов хвостом он, / Головой — у речки Коми. / Вышиной рога в сто сажен, / В полтора сажен морда, / Ласка только лишь в неделю / Обежать могла вокруг шеи; / Только в целый день касатка / С рога к рогу пролетает / И при этом мчится быстро, / На пути не отдыхая; / Целый месяц нужно белке, / Чтоб с плеча к хвосту добраться / До конца не достигает, / Прежде чем пройдет весь месяц» [25, с. 237]. Кроме того, он «туч касается спиною» [25, с. 238]. Похожий мотив есть и в северорусской «Старине о большом быке», где повествуется о ритуальном убиении «тово-де большово быка, Рободановика, / У которого степи⁶ рукой не достать / Промежду-то рогами кося сажень» [28, с. 462].

Внушительные размеры рогатого животного показаны и в загадках о дороге: в мордовской — «*Рогам*⁷ может коснуться неба, / Хвостом дотянется до Казани» [36,

⁵ Кн. IX, 7. «Восхваление быка»: «небо — верхняя челюсть, земля — нижняя челюсть. Молния — язык. <...> Воздушное пространство — его пах. <...> Всеобъемлюща (его) шкура, целебные травы — волоски (на теле), созвездия — (его) форма. Божественный народ — (его) кишки, люди — (его) внутренности. <...> Туча — его жир. <...> Когда его запрягают, (он) принадлежит всем богам; <...> распряженный — (он) все. Ведь это все формы, любая форма, имеющая вид коровы» [20, с. 69–71].

⁶ *Степь* — «место под передними ногами» [28, с. 462]; «хребет у рогатого скота» [31, т. 41, с. 145].

⁷ Здесь и далее выделено мною. — С.С.

с. 210]; в русских с ответом «дорога со двора» — «Бык на дворе, / А рога — на реке» (и др.) [24, с. 88].

Всеобъемлющий образ вселенского быка / коровы запечатлелся и в многочисленных загадках с ответами «день и ночь», где день показан белым животным, а ночь — черным. В русских — «Белый вол всех поднял, / Черная корова всех поборола» (и др.) [24, с. 234]; в украинских — «Лысый вол усех людей збив, а чорная корова усех людей поколола» (и др.) [8, с. 31; 32, с. 308]; в удмуртских — «Черная корова соберет, белая корова разгонит» (и др.) [35, с. 203].

«В южнославянской космологии Бык (иногда буйвол или вол) — космофор, опора земли» [16, с. 272]. Корова же в народных воззрениях могла представляться и самой землей. В удмуртской загадке с ответом «зима, лето» — «За белой коровой черная корова идет» [35, с. 209] белой коровой, по всей вероятности, представляется заснеженная земля, а черной — земля без снега, чернозем. В русских заговорах, произносимых при доении коровы, говорится: «Как с места на места зимля ни шаволитца — так бы любимая скатинка (чарнушка, пяструшка) с места ни шавалилась. <...> Стай гарой, дой рякой, озера сметаны, река малака» [32, ч. 1, с. 208]. Здесь корова сравнивается с землей, горой, молочные струи, изливающиеся из вымени такой огромной коровы, — с рекой, а сметана — с целым озером.

В загадках гром часто представлен ревом исполинского быка⁸: «Ревнул вол / За сто сел, / За сто речек» (и др.) [24, с. 242]; «Заривів вил за сто миль, за сто гір» [34, с. 307]. В карельской загадке о громе — «Чернуха-темнуха со ста рогами, тысячью корнями, замычит — по всей земле слышно» [26, с. 110] грозовая туча показана в образе гигантской коровы черной масти⁹, наделенной признаками древа мирового («с тысячью корнями») и издающей громовое мычание.

Все это дает основания полагать, что древо мировое и вселенский бык / корова некогда могли состоять в образно-семантической аналогии.

Образ «дерево — корова / бык» в народных воззрениях. Порой рога быка / коровы так же могли представляться аналогом дереву, как и рога оленя / лося [14, с. 81–82]. «Немецкая сказка упоминает о быке, из рога которого выросло дерево, достигнувшее своею верхушкой небесного свода» [21, с. 657]. В загадках с ответами «рога коровы» они тоже нередко бывают представлены деревом: в марийской — «На кривую липу снег не ложится» [27, с. 62]; в удмуртской — «На гладкий клен снег не садится» [35, с. 186].

Однако рога домашних животных более коротки, нежели ветвистые рога оленя или лося, а потому примеры, когда они ассоциировались с деревом, немногочисленны, и, видимо, изначально такие сравнения относились к лесным животным. На самом же деле рога быка / коровы визуальнее более похожи на небольшие ветки или сучки. Возможно поэтому в русских народных говорах слово *рогаль* использовалось и в значении «рогатый бык» (Дон.), и в значении «деревянный сук в виде рога» (Новг.) [31, т. 35, с. 119]. *Рогулька* — «рогатая корова» (Олон.) и «рогатка: Мальчишки стреляли из рогулек» (Брян., Р. Урал) [31, т. 35, с. 128]. *Рогульник* — это и «бык» (Новосиб.), и «деревянные вилы»¹⁰ (Ср. Урал) [31, т. 35, с. 129]. Одним и тем же словом — *рогатка* могли называться и «большерогая корова», и «ствол дерева с остатками обрезанных сучьев»

⁸ «Бык ассоциируется в образе бога грозы во многих религиях» [6, с. 85].

⁹ *Чернуха* — кличка черной коровы [22, т. 4, с. 595].

¹⁰ И деревянные вилы, и рогатку делали из разветвления, напоминающего рога.

(Арх.) [31, т. 35, с. 120], что в известной степени определялось их визуальным сходством.

Последний пример наиболее ярко показывает, что если рога коровы ассоциировались с ветками или сучьями, то само животное могло представляться деревом. Свидетельства этому можно найти в фольклоре многих народов. В загадках образ коровы соотносится с различными породами деревьев: в удмуртских с ответом «рога коровы» — «На ветках *сосны* снег не застревает», «На ветке *клена* снег не задерживается» [35, с. 187]; в марийской, с ответом «вымя» — «На одной *липе* четыре гнездышка» [27, с. 62]. В якутской легенде говорится: когда нечем было кормить табуны коров и лошадей, то их прогоняли «в лес каждый день по девяти штук в подарок Джогогой¹¹. Как только скот <...> входил в лес, он превращался в толстые деревья» [4, с. 313]. Это свидетельствует о том, что деревья могли представляться как в образе лошадей [12], так и в образе коров.

В русском фольклоре также есть немало примеров, подтверждающих, что в славянском языческом мировоззрении существовал образ «дерево-корова». В частности, в сказках встречается эпизод, когда «корова, будучи умерщвлена, не умирает окончательно, а только перерождается в новые образы: из ее внутренностей или пепла вырастает <...> яблоня» [21, с. 675]. Такой сказочный мотив варьируется лишь незначительно: когда корову закалывают¹², ее кости [15, с. 54], или капли крови [30, с. 314], или кишки [32, ч. 1, с. 155] и т. п. закапываются в землю, из чего неизменно вырастает дерево. Это основывается на архаической вере в то, «что животное после смерти воскресает и продолжает жить» [15, с. 53], но уже в другом качестве.

С образом рогатого животного соотносилась не только яблоня, но и осина, елка, сосна, береза и др. В обряде, проводимом на Смоленщине при первом выгоне скотины в поле, есть диалог пастуха с подпаском, выступающим в роли зайца: «“Заяц, заяц, горька ли *осина*?” Заяц отвечает: “Горька!” “Дай Бог, чтобы и наша *скотинка*¹³ для зверя была горька!”» [32, ч. 4, с. 161]. О том, что образ коровы соотносился с елкой, есть свидетельства в русских народных говорах: «Сколько за полем *елушек*, Только во дворе *телушек*», где *елушка* или *елушка* — «елочка; маленькая ель» (Новг., Пск., Твер., Сиб., Смол.) [31, т. 8, с. 350]; *елушник* — «еловый лес» (Пск., Твер.), а елушня — «яловая корова» (Курск.) [31, т. 8, с. 350].

Нередко сок, обильно источаемый деревьями весной, ассоциировался с щедрыми надоями молока. Об этом свидетельствуют некоторые восточнославянские былички и поверья. В частности, в одной смоленской быличке о «видьмаках», «што малóки у кароў атымають», говорится: «Старик тóркаить нож у бярезу. Як торнуў, карова закричала у стади <...> — побегла з ножика малако. <...> Пастух видит, што малако бягить с бярези па нажу, и карова, услышал, крикнула», и заставил «видьмака» прекратить это, вследствие чего корова перестала кричать, а из березы перестало течь молоко [32, ч. 1, с. 108]. Считалось, что ведьма, для того чтобы испортить корову, выдаивала ее, и, «выливши на землю молоко, забивала в то место осиновый кол, чтобы, как засохнет осина, так бы высохли у коровы сосцы» [8, с. 291]. В Закарпатье существовало поверье: «чтобы ведьма не отнимала молоко у коровы, нужно вылить его в корни <...> дерева, вывернутого с корнем бурей, со словами: “Чтоб твою корову так же выкорчило”» [5, с. 92].

¹¹ Джогогой — демон-покровитель конного и рогатого скота [4, с. 313]

¹² Как считают исследователи, здесь речь идет о ее ритуальном умерщвлении: «Так сказка сохранила воспоминание о существовавшем некогда обряде» [15, с. 54].

¹³ Нет сомнения, что здесь имеется в виду в основном крупный рогатый скот.

В архаических воззрениях с дойной коровой могло отождествляться не только дерево, источающее сок, но также и деревянный столб. Выполненный из ствола дерева, он мог наделяться теми же сакральными функциями. В Малороссии верили, что ведьма, чтобы отобрать у коровы молоко, выдаивает ее, после чего «пробуравливает в одном из столбов своего дома или кладовой дырку, затыкает ее, при известных ей приговорах, колышком и, когда нужно доить корову, вынимает колышек, и молоко коровы течет оттуда, как из крана» [34, с. 198].

Дерево, или деревянный столб могли соотноситься с образом коровы и по другим признакам. В частности, в подражательной магии использовалось свойство «незыблемого стояния». На Вологодчине «когда отелится корова, <...> хозяйка <...> встает к печному столбу¹⁴ и говорит: “Матушка, коровушка, стой также крепко, как вот этот столб”» [37, с. 124]. На Каргополье после отела коровы хозяйка «зарывала послед глубоко в землю под навоз, а затем вколачивала сверху березовый кол, говоря: “Как этот кол плотно стоит, так и ты, Буренушка, стой!”» [3, с. 277]. На Смоленщине для предохранения телят от падежа принято было говорить: «Как белая березынька стаить веки по веки, ни тронитца ни варохнитца — так бы и теляты жили веки по веки, ня дрогнулись, ни варохнулись» [32, ч. 1, с. 209]. Здесь видно, что и телята отождествлялись с образом дерева.

Наряду с этим в народных воззрениях существовала образно-семантическая аналогия *кора дерева — шкура животного*¹⁵. На ее основе строятся загадки: марийская с ответом «береза» — «У белой коровы поперечная шкура» [27, с. 49]; удмуртская с ответом «липа» — «При жизни шкуру сдирают» [35, с. 156]. В русской загадке с ответом «лыки» — «Корова в лесе, а черева здесья» [23, с. 69], дерево, с которого содрали кору на лыки, показано в образе коровы, а его кора — черевом¹⁶.

Эти же представления отразились и в русских народных говорах, где слово *корóвина*, используемое в значениях: «корова» (Арх., Смол.), «шкура коровы» (Камч., Свердл.), употребляется и в значении «кора: *ивова корóвина*» (Ленингр.) [31, т. 14, с. 352]. *Шкура* — «верхние слои дубовой коры» (Южн.) [29, с. 576]; *ошкурить* — «очистить от коры (бревно)» [29, с. 347]; *ошкурóвать* — «снять кору с дерева» (Перм.) [31, т. 25, с. 91]; *ошкурáть* — «снимать кору с дерева; очищать бревно от коры» (Иркут.), и «снимать (шкуру)» (Урал.) [31, т. 25, с. 91]; *ошкурóвывать* — «лечить поврежденную кору деревьев» (Пск.) [31, т. 25, с. 91]. *Кожса* — «кора дерева» (Ряз., Пск.) [31, т. 14, с. 49].

Показательно, что среди вологодских крестьян существовало убеждение: «когда городят осек, т. е. изгородь вокруг скотского выгона, то <...> в эти дни <...> не сдирают с дерев коры. <...> Не дерут коры, чтобы медведь не содрал с коров кожи» [37, с. 121].

Другие части дерева также соотносились с частями коровы / быка, чем можно объяснить странность (с современной точки зрения) целого ряда загадок; в частности, — марийских: «сучок» — «Бычьи глаза жирны, да есть нельзя» [27, с. 51]; «брусок» — «Печень одной коровы три года ем, и никак не съем» (и др.) [27, с. 109]. Особенно показательна в этом отношении карельская загадка с ответом «кора, которую добавляли в пищу» — «Бык большой, хребет прямой, в лесу смерть принял, рога в землю закопали, кровь в город увезли, кожу съели с простоквашей, мясо в золу превратили»

¹⁴ Печной столб обычно выполнялся из ствола дерева.

¹⁵ См. так же: *кора дерева — шкура оленя / лося* [14, с. 82–83]

¹⁶ *Черéво* — «брюшко меха» [22, т. 4, с. 591].

[26, с. 25]. Судя по всему, в этой загадке подробно описан процесс смолокурения¹⁷. Здесь дерево представлено быком¹⁸, его ствол — бычьим «хребтом», смолосодержащие пни с корнями — «рогами»¹⁹; их закапывали в землю и жгли над ними древесину — «мясо»²⁰, превращавшуюся в золу. Получаемая таким способом смола (которую отвозили в город на продажу), представлена «кровью»²¹, а древесная кора — «кожей быка»²².

В русских загадках эта соотносимость тоже представлена довольно отчетливо. Например, в загадке с ответом «сосновая мезга» — «Выходила я на горушку, / Убивала телушку, / Кожу наземь бросала, / Мясом печку топила, / Салом лакомилась» (и др.) [24, с. 166]. Здесь содержится целый ряд аналогий: «телушка» — сосна, ее «кожа» — сосновая кора, «мясо» — древесина ствола, идущая на дрова, а «сало» — мезга²³.

Очевидно, на основе аналогии *древесина* — *мясо* сложился целый ряд удмуртских загадок: с ответом «береза» — «Мясо сгниет, кожа останется» [35, с. 155]; с ответом «огонь в светце» — «Старушка мясо крошит», «Малюсенькие кусочки мяса» (и др.) [35, с. 94–95]. Здесь даже крошащиеся угольки, в которые превращается горящая в светце лучина, представляются кусочками мяса.

В русских народных говорах слово *болонистый* могло использоваться и в разговоре о лесе, и в разговоре о мясе [31, т. 3, с. 77], поскольку *болонь*, *блонь* — это и «слой древесины под корой дерева» (Южн.-Сиб., Свердлов., Перм., Смол., Том., Олон., Арх., Сев.-Двин., Волог., Сиб., Том., Иркут., Амур.), и «подкожный слой мяса», «твердая белая плева на мясе» (Перм., Свердлов., Иркут.) и т. п. [31, т. 3, с. 78].

Но «иногда именно середина дерева, связанная с копытными, выступает как замена всего дерева» [17, с. 288], а потому не только ствол, но даже и часть ствола, как и все дерево, могла семантически соотноситься с целым животным. Об этом свидетельствуют карельские загадки с ответом «дрова в печи»: «Полон хлев *телят*, все бесхвостые» (и др.) [26, с. 18]. Здесь «телята» — дрова, а их «хвосты» — обрубленные верхушки деревьев, поскольку «часть ствола с сучьями и ветвями» порой так и называли — *хвост ствола* [29, с. 547]²⁴.

Показательно, что в словаре русских народных говоров содержится целый ряд омонимов, объединенных соответствующей темой. Например, слова со значениями *дрова* и *телка* могут быть сходными по звучанию: дрова — *дрóвки* (Колым.), а телка, или «корова, отелившаяся в первый раз; первотелка» — *дрóвка* (Ворон., Смол., Калуж.) [31, т. 8, с. 191]. Видимо, по тому же принципу слово *тэлиш* используется и в значении

¹⁷ Смолокурение — добывание смолы из хвойных деревьев как промысел.

¹⁸ Поскольку слово *бык* равным образом означает и *домашнее животное*, и *олень*, и *лось* [31, т. 3, с. 342], образ, в котором здесь загадывается хвойное дерево, мог относиться к любому из них.

¹⁹ У дерева, считавшегося «умерщвленным» и потому «перевернутым», «рогами» представлялись уже не ветки, а вывернутые из земли корневые отростки [14, с. 83–85].

²⁰ *Мясо* — «спелая древесина» (Краснояр.) [31, т. 19, с. 89], или «липовые бревна, с которых снята кора (Пенз.)» [29, с. 301].

²¹ Ср.: *рудá* — «кровь» и *рудóвая сосна* — «прямоствольная сосна <...> с древесиной, приобретающей в распиле красноватый оттенок» (Арх., Олон., Твер., Волог.) [31, т. 35, с. 232, 235], где «рудóвая» соответствует прилагательному «кровяная» [29, с. 483]. Поэтому смола, полученная из такого смолосодержащего дерева, могла представляться «кровью» сосны.

²² «В Карелии часто вместо муки в тесто добавляли размолотую сосновую кору или варили из нее «кашу» — отсюда в загадке «кожу съели» [26, с. 116].

²³ *Мезга́* — «внутренняя слизистая оболочка дерева (особенно сосны), молодая исподняя кора, еще не затвердевшая» [22, т. 2, с. 315]. «Мезга молодой сосны в сыром виде составляет лакомство крестьянских детей» [29, с. 286–287]. Показательно, что слово мезга так же используется в значениях «плева на мясе» и «остатки мяса на внутренней стороне шкуры» (Пск., Твер.) [31, т. 18, с. 92].

²⁴ Об аналогии «верхушка «умерщвленного» дерева — хвост» (см.: [14, с. 83–84]).

«теленки» (Пск.), и в значении «чурбан, обрубок, палка» (Смол.), [31, т. 44, с. 10–11]. Словом *стяг* во многих русских говорах могли называться шест, палка, дубина, большое бревно и т. п. [31, т. 42, с. 122–123], а также оно могло использоваться и в значении «туша крупного рогатого скота (коровы, быка, вола)» (Оренб., Волог., Арх., Ряз., Астрах., Самар., Симб., Вост. Закамье, Перм., Tobол., Сиб.) [31, т. 42, с. 123–124]; т. е. ствол дерева (без корней, кроны и коры) соотносился с телом коровы / быка (без головы, хвоста, копыт и шкуры).

Этими же представлениями объясняются и некоторые народные обряды. В ряде деревень Каргопольского уезда после первого выгона скота («сгон») «каждый заносил в избу два-три полена дров, так как с пустыми руками заходить в дом не полагалось» [3, с. 269]. Видимо, такая ритуальная замена гарантировала сохранность скота. А олонечские крестьяне «у чужих полениц собирают березовых коровушек²⁵; коровушку полагают в подойник, когда его шпарят кипятком, надеясь получить от коров побольше молока» [33, с. 656].

Корень дерева и пень, как и ствол (или часть ствола) тоже могли наделяться теми же образно-семантическими признаками, что и целое дерево, а значит, соотноситься с рогатым животным. Об этом свидетельствуют загадки: удмуртская с ответом «земля с корней [*дерева*] сыплется» — «Кровь одного *быка* семь лет сочтется» [35, с. 151]; марийская с ответом «коряга» — «Зарежу *быка* — кровь сочтется три года» [27, с. 51]. А на Рязанщине бытовал шуточный обряд: на второй день свадьбы в спальню молодоженам приносили в качестве новорожденного теленка большой и очень тяжелый пень для колки дров, или запеленатое в тряпки полено. «Чурбан в тряпках завярнуть: “Тялка принесли!”» [10, с. 121].

Свидетельства того, что пень вместе с корневыми отростками мог представляться в образе рогатого животного, содержатся и в русских народных говорах, где «корень соснового пня, богатый смолой, спускающийся вниз», — *тур*²⁶ (Калуж.) [31, т. 45, с. 261]; «*турбачок*, пенек такой из дерева» (Волог.) [31, т. 45, с. 265]; *туристый* пень — «пень, у которого очень длинный вертикальный корень» (Калуж.) [31, т. 45, с. 268]. Видимо, поэтому в онежских сказках порой говорится об «избушке на *турей* ножке» [30, с. 439], которая, как известно, устанавливалась на пенках.

Все это тоже свидетельствует о том, что корова и дерево когда-то состояли в образно-семантической аналогии.

Образ «дерево — корова / бык» в бытовых деревянных предметах. Если, согласно архаическим представлениям, «душа дерева продолжает жить в бревне постройки и в любой вещи», выполненной из него [19, с. 12], то такая вещь могла наделяться и образно-семантическими свойствами, которыми изначально наделялось это дерево, или его часть. А поскольку в языческих воззрениях могли существовать образно-семантические аналогии *дерево — корова / бык* (или *вол, тур*), то и все бытовые вещи, которые производились из дерева, могли мыслиться в образе этих животных²⁷.

²⁵ «Иногда березовое полено не колется пополам от одного конца до другого, а откалывается край вроде неправильного клина; это и называется “коровушкой”» [33, с. 656]. *Коровка* — «чурбан, обрубок дерева» (Перм.), или «кусочек дерева, щепка, вырубленная из паза в бревне» (Волог.) [31, т. 14, с. 353].

²⁶ «У восточных славян довольно многочисленны следы культа древнего тура, вымершего в Восточной Европе уже в XVII в.» [2, с. 392; 13, с. 82].

²⁷ Так же, как вещи, созданные из дерева, отождествляемого с птицей, могли соотноситься с образом птицы [11, с. 52–54], отождествляемого с конем — с образом коня [12, с. 100–105], а отождествляемого с оленем / лосем, — с образом оленя / лося [14, с. 86–89].

Правда, в резьбе по дереву, часто украшавшей предметы быта, изображений рогатых животных не наблюдается по причине отрицательного отношения к изображению рогов в христианский период [18, с. 307], но в народной лексике и фольклоре все-таки сохранилось множество подтверждений тому, что деревянные предметы когда-то могли представляться в их образе.

Прежде всего, с образом быка / коровы ассоциировались предметы, «рогатая» форма которых диктовалась функциональной необходимостью. Это ухват, вилы, соха и др. В русских пословицах они соотносятся с рогатой скотиной: «“*Рогатой скотины — ухват да вилы*”, говорят про бедное хозяйство» [24, с. 316], или «*Рогатой скотины ухват да мутовка* (роспись приданому)» [22, т. 4, с. 99]; «Хвать быка за рога, ан разоха (*вилы*) в руках» [22, т. 1, с. 149].

Существует ряд загадок про деревянные вилы: карельская — «*Корова криво-рогая, рогатое седло, волосы дергает, шерсть бросает*» [26, с. 31]; удмуртская — «*Бык с тремя рогами*» [35, с. 169]. А в обратной загадке с ответом «рога коровы» — «На двухзубых вилах снега не бывает» [35, с. 186] корова представлена вилами.

В русской загадке соха показана коровой: «Загуляла корова, все поле рогами перепорола» [23, с. 71]. Согласно народным поверьям, ведьмы «доят соху (соха — рогатая, вилообразная, и потому корова): втыкают нож в соху, и молоко течет по острию ножа. <...> Ведьма может обходиться и без ножа: вынимает из сохи в клуне колок, и молоко льется, как из бочки» [8, с. 291].

«Рогатый» ухват²⁸ использовался в святочной игре «в быка», известной в Костромском крае [16, с. 274]. И в русских загадках он часто бывает показан быком / коровой: «*Бычок рогат, в руках зажат; еду хватает, а сам голодает*» [23, с. 107], «*Коровка деревянная, рожки оловянные*» [23, с. 107]; с ответом «ухват и горшок» — «В хлевушке у быка/ Копна на *рогах*, / А хвост на дворе / У бабы в руках» (и др.) [24, с. 37].

В образе рогатых животных порой представляются и другие предметы, выполненные из дерева. Например, кочерга²⁹, о которой в загадке говорится: «*Полная конюшня / Красных коров; / Черная зайдет, / Всех выгонит*» [24, с. 35], показана «черной коровой». Ею ворошили раскаленные угли, т. е. куски недогоревших дров, а потому они здесь — «красные коровы». Согласно этим же воззрениям существовало поверье, что «*сковородником*³⁰ женщина угольев в печке не должна мешать: от этого *коровы* будут бодаться» [33, с. 656]. На Украине же считали: чтобы скот не бодался, «в два *мотовила* не нужно мотать» [34, с. 103]. Во всех приведенных здесь примерах обнаруживается образно-семантическая связь предметов, выполненных из дерева, с бодливым скотом.

Деревянная посуда тоже часто могла представляться в образе быка / коровы. Это наблюдается в загадках с ответами «ковш»: в русской — «*Корова спит на месте, / А хвост на улице*» [24, с. 48], в карельской — «*Мокрый теленок в лукошке*» [26, с. 83]. В этом же образе загадываются и деревянные ложки: в лезгинской: — «У меня есть *бык*; если за *хвост* его не возьмешь, то в сарай (рот) не введешь» [24, с. 317]; в карель-

²⁸ В русских народных говорах другие названия ухвата — *рогáтик* (Ворон.), *рогáтин* (Новосиб.) [31, т. 35, с. 120], или (почти повсеместно) — *рогáч* [31, т. 35, с. 122].

²⁹ Кочерга изначально была полностью деревянной и представляла собой палку с торчащим в сторону концом [12, с. 104].

³⁰ О том, что сковородник с деревянной ручкой мог представляться телкой, свидетельствует обряд: «чтобы стельная корова принесла телку (не бычка), баба идет доить ее в последний раз верхом на сковороднике» [22, т. 2, с. 167]. Очевидно, она, зажав сковородник под собой между ногами, выступала в роли рожающей телку коровы, тем самым стараясь добиться желаемого результата посредством подражательной магии.

ской с ответом «ложки в миске» — «*Телят* полный хлев, *хвосты* у всех на улице» [26, с. 81]; в русской «ложка в чашке» — «*Корова* в хлеве, / *А хвост* на хлеве» [24, с. 53].

Другие деревянные емкости в загадках тоже порой предстают в этом образе. В русских: «квасник»³¹ — «*Коровушка* пестра, / Титечка востра, / Желвак на боку, / Хороша к молоку» [24, с. 48]; «бук»³² с холстом — «Вывели *вола* да из заднего двора, / Посмотрели — у *вола* пробита дыра» [23, с. 141]; «кадка» — «Стоит *бычище* — проклеваны бочища» [23, с. 116]. В мордовских загадках: «лохань» — «У *быка* два глаза, / С двух сторон водят» [36, с. 135]; «бочка» — «*Бык* дубовый, / Язык липовый» [36, с. 136]. В удмуртской загадке деревянный «сундук» — «В брюхе обитой обручами *коровы* одежду хранят» [35, с. 78].

Так же и другие деревянные бытовые предметы самой различной формы и назначения часто загадываются коровой или теленком. В украинских загадках: «праник»³³ — «Золоте *теля* на воду реве» [34, с. 313]; «сопілка»³⁴ — «За лісом, за прилісом золоте *теля* реве» [34, с. 315]; в карельской с ответом «стол» — «У нас *корова*, что положим, все несет (тащит)» [26, с. 74]. В русской загадке: топор представлен в образе теленка — «Между двумя дубами / Завязла *теля* зубами»³⁵ [24, с. 1], возможно, потому, что он имеет деревянную ручку (топорище). Показательно, что в Полесье «топор прятали под печь, считая, что таким образом прячут заблудившуюся корову от волков» [5, с. 60].

Плавательные средства также когда-то представлялись не только в образе оленя / лося [14, с. 86–87], либо коня [12, с. 101–102], но и в образе тура. «В виде тура оформлены корабли <...> в былинах о Садко, Соловье Будиновиче и других мореходах» [6, с. 83], где говорится: «Нос корма была по звериному, / А бока сведены по туриному» [6, с. 84].

В русских народных говорах *тура* — «парусное судно, ладья: *А еще шли де туры* подле сине море; *А переплыли туры* дак за сине море» (Мезен., Арх.) [31, т. 45, с. 262]. Кроме того, *байдак* — это и «нетель»³⁶ (Том.), и «большая лодка» (Курс., Брян., Смол.) [31, т. 2, с. 53], выполнявшаяся в основном из ствола дерева. *Рогаль* — это и «рогатое животное» (Орл.), «*Рогатого быка* называли *рогаль*» (Дон.), и «двухмачтовое парусное судно; беломорский карбас» (Арх.), и «осиновая лодочка на р. Мологе» (Яросл.) [31, т. 35, с. 119]. Судя по всему, у комля дерева, идущего на форштевень, возможно, когда-то оставляли два корневых отростка — «рога».

«Дерево-корова» в строительстве. Бревна, используемые в строительстве изб и других построек (а также их частей), тоже могли мыслиться в образе коровы / быка. Такие представления были свойственны разным народам, о чем красноречиво свидетельствуют загадки, которые часто бывают однотипны. Например, загадки с ответами «сучок»: удмуртские — «В бревне *бычий* глаз» (и др.) [35, с. 67]; марийские — «На стене — *бычий* глаз» (и др.) [27, с. 123]; карельские — «Что за *коровий* глаз в стене?» (и др.) [26, с. 12]; русские — «Круг нашего двора все *бычи* глаза» (и др.) [23, с. 98].

В севернорусской строительной терминологии *быки* — «стропила крыши; боковые

³¹ *Квасник* — «деревянная посуда (обычно кадка, бочка) для приготовления и хранения кваса» (Волог., Олон., Онеж., Арх., Ленингр., Новг., Пск., Твер., Калинин., Влад., Ср. Урал) [31, т. 13, с. 159].

³² *Бук* — «кадка для белья» (Олон., Курск., Тул.) [31, т. 3, с. 261].

³³ *Праник* — валец для выколачивания белья при полоскании [31, т. 31, с. 67].

³⁴ *Сопілка* — свирель.

³⁵ «Зубами» в данном случае, несомненно, представлена железная часть топора. Об этом свидетельствует мордовская загадка про топор — «Под столом (лавкой) широкий *зуб*» [36, с. 79].

³⁶ *Нетель* — «яловая корова» (Олон.); «молодая, ни разу не телившаяся корова» (Арх.) [31, т. 21, с. 174].

стропила у фронтона избы» (Новг.) [31, т. 3, с. 343]. *Коровка* — это «выемка <...> на конце бревна, куда вставляется выступ другого» (Волог.), поэтому *рубить в коровку* — название строительного приема рубки углов дома; *обивать коровки* — «обтесывать топором и рубанком округлые части бревен стен» [31, т. 14, с. 353]. *Байдák* — это «толстая доска (для пола или потолка)» (Твер., Смол., Новг., Пск., Волог.), но также и «нетель» (Том.) [31, т. 2, с. 53]. *Тур* — одно из названий печного столба, обычно выполнявшегося из ствола дерева (Арх., Смол., Саратов.) [31, т. 45, с. 261]; *турáшка* — «сруб дома без крыши» (Яросл.) [31, т. 45, с. 265]; *турушка* — «охотничий амбар на четырех высоких столбах около лесной избышки, лабаз» (Арх.) [31, т. 45, с. 283]. Здесь по всему видно, что бревна, из которых осуществлялось строительство, мыслились в образе быка / коровы / тура.

Другие деревянные части избы тоже могли представляться в образе быка / коровы. Об этом свидетельствуют русские загадки: «воронцы у печи» (выполнявшиеся из двух стволов дерева) — «*Два быка* бодутся, врозь не разойдутся» [23, с. 97]; «полати» — «*Бура корова* стену бодет, из избы не выходит» [23, с. 98]; «матица» — «*Корова* в избе, / *Рога* в стене» [24, с. 5]. Также и дверь в загадках предстает в образе коровы: в удмуртской с ответом «дверная ручка» — «За хвост одной *коровы* тысяча человек хватаются» [35, с. 71]. В русских — с ответом «замок» — «У нашей *буренушки* шовяк на боку» [23, с. 101], и с ответом «ключ в замке» — «*Стоит корова* посередине дороги, / Подошел Влас и тыкнул *корове* в глаз» [23, с. 101]. В последнем примере преграждающая дорогу «корова» — закрытая на замок дверь, а ее «глаз» — замочная скважина.

Да и другие деревянные постройки могли изображаться в образе рогатого животного: «очеп» — «*Бык* ревет, / *Хвост* к небу дерет» (и др.) [24, с. 87–88]. В мордовских загадках: «река и мост» — «*Поперек* воды *бык* стоит, / *Народ* ходит по его спине» [36, с. 45]; «ворота» — «У плетня *бык* мычит» [36, с. 142].

Представления о воротах как о корове существовали и у славян. Например, «в северо-восточной Хорватии для того, чтобы “отобрать” молоко у чужой коровы, колдунья ночью подсекала топором столбы ворот и забирала щепки» [1, с. 439]. Здесь порча ворот, несомненно, должна была спровоцировать и «порчу» коровы. К тому же забирание щепок (как части ворот-коровы), видимо, представлялось ритуально эквивалентным «отобранию» молока (как части коровы). А для того, «чтобы помочь корове разродиться, заставляли девочку пролезть под воротами» [1, с. 441]. Очевидно, таким способом в подражательной магии имитировался родовой процесс: здесь маленькая девочка, с трудом протискивавшаяся в узкую подворотню, представлялась рождающейся телочкой, а сами деревянные ворота — коровой.

* * *

Анализ приведенного материала свидетельствует, что в славянской народной культуре некогда существовало образно-семантическое отождествление коровы / быка и дерева. Причина происхождения такой аналогии видится в том, что мифологический образ коровы / быка как космологического животного представлялся эквивалентным дереву мировому. Этим обусловлена их взаимозаменяемость, наблюдаемая в фольклоре и в ритуальной практике. В данном контексте становятся объяснимыми и контаминированный образ «дерево-корова», встречающийся в северорусских вышивках, и генезис целого ряда омонимов и однокоренных слов, бытующих в русской диалектной лексике, объединенных соответствующей тематикой.

Список литературы**Исследования**

- 1 *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Ворота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 438–442.
- 2 *Денисова И. М.* «Живой космос»: Древнейшая модель Вселенной в мировой мифологии и русской народной культуре // Древнерусская космология / отв. ред. Г. С. Баранкова. СПб.: Алетейя, 2004. С. 368–471.
- 3 *Дурасов Г. П.* Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополья в XIX – начале XX в. // Русские: Семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 265–282.
- 4 *Зеленин К. Д.* Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
- 5 *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- 6 *Линец Р. С.* Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 82–109.
- 7 *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 206 с.
- 8 *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых поверий и обрядов // Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская типография. 1865. 310 с.
- 9 *Рыбаков Б. А.* Язычество Древних славян. М.: Русское слово, 1997. 824 с.
- 10 *Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь / сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Н.Н. Гилярова, Л. Н. Чижилова.* Рязань: РОНМЦНТ, 2001. 487 с.
- 11 *Синчук С. Д.* Образ «птица-дерево» в славянской народной культуре // Вестник славянских культур. 2015. № 4. С. 49–57.
- 12 *Синчук С. Д.* Образ «дерево-конь» в славянской народной культуре // Вестник славянских культур. 2017. № 1. С. 96–110.
- 13 *Синчук С. Д.* Зооморфный образ в архитектуре северорусской избы: Семантическая реконструкция на материале народной культуры // Вестник славянских культур. 2019. № 4. С. 140–159.
- 14 *Синчук С. Д.* Сакральный образ «дерево-олень» в северорусской народной культуре // Вестник славянских культур. 2021. № 1. С. 77–95.
- 15 *Соколова З. П.* Культ животных в религиях / отв. ред. В. Н. Василев. М.: Наука, 1972. 213 с.
- 16 *Толстой Н. И.* Бык // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 272–274.
- 17 *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.
- 18 *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.
- 19 *Чекалов А. К.* Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 191 с.

Источники

- 20 *Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / пер., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой.* М.: Восточная литература, 2007. Т. 2. 293 с.

- 21 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865. Т. 1. 800 с.
- 22 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998. Т. 1. 699 с. М.: Русский язык, 1998. Т. 2. 779 с. М.: Русский язык, 1998. Т. 4. 688 с.
- 23 Загадки / сост. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 253 с.
- 24 Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
- 25 Калевала. М.: Худож. лит., 1977. 574 с.
- 26 Карельские народные загадки / подгот. Н. А. Лавонен. / ред. Э. С. Киуру, В. Д. Рягоев. Петрозаводск: Карелия, 1982. 144 с.
- 27 Марийские народные загадки / сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 1967. 182 с.
- 28 Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 2. СПб.: Тип. Императорской АН, 1900. Т. 3. Вып. I. 562 с.
- 29 Опыт лесоводственного терминологического словаря / сост. П. Н. Вереха. СПб.: Тип. Санкт-Петербургского Градоначальства, 1898. 588 с.
- 30 Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии) Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. Т. 33. 645 с.
- 31 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–52). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Т. 2. 314 с. Т. 3. 360 с. Т. 8. 370 с. Т. 13. 358 с. Т. 14. 376 с. Т. 18. 367 с. Т. 19. 359 с. Т. 21. 360 с. Т. 25. 352 с. Т. 31. 432 с. Т. 35. 360 с. Т. 41. 342 с. Т. 42. 330 с. Т. 44. 349 с. Т. 45. 344 с.
- 32 Смоленский этнографический сборник. (Записки ИРГО по отделению этнографии) Ч. 1–4. / сост. В. Н. Добровольский. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891–1903. Ч. 1. 716 с. Ч. 4. 718 с.
- 33 Суеверие и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 74. С. 656–657.
- 34 Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. СПб.: Типография В. Безобразова, 1872. Т. 1. 468 с.
- 35 Удмуртский фольклор. Загадки / сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 254 с.
- 36 Устно-поэтическое творчество мордовского народа / сост. А. М. Шаронов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1968. Т. 4. Книга 2. Мордовские загадки. 324 с.
- 37 *Шустиков А.* Троищина Кадниковского уезда // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 106–138.

© 2023. Svetlana D. Sinchuk
Zheleznovodsk, pos. Inozemtsevo, Russia

THE IMAGE OF A “TREE-COW” IN SLAVIC FOLK CULTURE

Abstract: The paper discusses the hypothesis that there was once a figurative-semantic identification of a cow / bull and a tree in the Slavic folk culture. The analysis of such identification is carried out taking into account the peculiarities of the pagan worldview. Images of horned animals are rarely found in Slavic decorative and applied art, since horns have acquired a negative meaning in the context of the Christian religion. Therefore, traces of such archaic views should be sought using appropriate data from folklore, linguistics, and ethnography. Also, in the process of searching, it is necessary to go beyond the Slavic world and turn to the traditional cultures of the peoples neighboring the Slavs in the north and northeast; since their Christianization was carried out at a much later time, the remnants of their pagan cults have come down to us in greater safety. The origin of the figurative-semantic connection between the concepts of “cow / bull” and “tree” is explained by the fact that these animals, like the world tree, acted once as cosmological symbols. This explains the interchangeability of their images, observed in folklore and in ritual practice, as well as the genesis of a number of homonyms and words of the same root, existing in the Russian dialect vocabulary, united by the corresponding theme.

Keywords: Cow, Bull, World Tree, Image, Riddles, Fairy Tales, Proverbs, Rituals, Archaic Thinking.

Information about the author: Svetlana D. Sinchuk — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Stavropol State Pedagogical Institute, Svobody Ave. 14, 357430 set. Inozemtsevo, Zheleznovodsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3590-1653>

E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

Received: December 30, 2021

Date of publication: October 15, 2022

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Sinchuk, S. D. “The Image of a ‘Tree-cow’ in Slavic Folk Culture.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 73–89. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-73-89>

References

- 1 Vinogradova, L. N., Tolstaia, S. M. “Vorota” [“Gates”]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]*, Vol. 1. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, pp. 438–442. (In Russ.)
- 2 Denisova, I. M. “Zhivoi kosmos’: Drevneishaia model' Vselennoi v mirovoi mifologii i russkoi narodnoi kul'ture” [“Living Space’: The Most Ancient Model of the Universe in the Mythology of the World, and Russian Popular Culture”]. *Drevnerusskaia kosmologiya [Old Russian Cosmology]*, ex. ed. by G. S. Barankova. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2004, pp. 368–471. (In Russ.)

- 3 Durasov, G. P. “Obriady, sviazannye s obikhodom skota v sel'skoi obshchine Kargopol'ia v XIX – nachale XX v.” [“Rituals Associated with the Use of Livestock in the Rural Community of Kargopol in the 19 – Early 20 Century”]. *Russkie: Semeinyi i obshchestvennyi byt [Russians: Family and Social Life]*, ex. ed. by M. M. Gromyko, T. A. Listova. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 265–282. (In Russ.)
- 4 Zelenin, K. D. *Kul't ongonov v Sibiri: Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov [Cult of Ongons in Siberia: Remnants of Totemism in the Ideology of Siberian Peoples]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936. 436 p. (In Russ.)
- 5 Levkievskaia, E. E. *Slavianskii obereg. Semantika i struktura [Slavic Amulet. Semantics and Structure]*. Moscow, Indrik Publ., 2002. 334 p. (In Russ.)
- 6 Lipets, R. S. “Obraz drevnego tura i otgoloski ego kul'ta v bylinakh” [“The Image of the Ancient Tur and Echoes of its Cult in the Epics”]. *Slavianskii fol'klor [Slavic Folklore]*, ex. ed. by B. N. Putilov and V. K. Sokolova. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 82–109. (In Russ.)
- 7 Maslova, G. S. *Ornament russkoi narodnoi vyshivki kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Ornament of Russian Folk Embroidery as a Historical and Ethnographic Source]*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 206 p. (In Russ.)
- 8 Potebnja, A. A. *O mificheskom znachenii nekotorykh poverij i obrjadov. Chtenija v imperatorskom Obshhestve Istorii i Drevnostej Rossijskikh pri Moskovskom universitete [On the Mythical Meaning of Certain Rituals and Beliefs. Readings in the Imperial Society of History and Russian Antiquities under the Moscow University]*. Moscow, Universitetskaia tipografia Publ., 1865. 310 p. (In Russ.)
- 9 Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnikh slavian [Paganism of the Ancient Slavs]*. Moscow, Russkoe slovo Publ., 1997. 824 p. (In Russ.)
- 10 Riazanskaia traditsionnaia kul'tura pervoi poloviny XX veka: Shatskii etnodialektnyi slovar' [Ryazan Traditional Culture of the First Half of the 20 Century: Shatsky Ethno-dialect Dictionary], comp. by I. A. Morozov, I. S. Sleptsova, N. N. Giliarova, L. N. Chizhikova. Riazan', RONMTsNT Publ., 2001. 487 p. (In Russ.)
- 11 Sinchuk, S. D. “Obraz ‘ptitsa-derevo’ v slavianskoi narodnoi kul'ture” [“The Image of the ‘Bird-tree’ in the Slavic Folk Culture”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 4, 2015, pp. 49–57. (In Russ.)
- 12 Sinchuk, S. D. “Obraz ‘derevo-kon’ v slavianskoi narodnoi kul'ture” [“The Image of the ‘Tree-horse’ in Slavic Folk Culture”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 1, 2017, pp. 96–110. (In Russ.)
- 13 Sinchuk, S. D. “Zoomorfnyi obraz v arkhitekture severorusskoi izby: Semanticheskaja rekonstruktsiia na materiale narodnoi kul'tury” [“Zoomorphic Image in the Architecture of the Northern Russian Hut: Semantic Reconstruction Based on the Material of Folk Culture”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 4, 2019, pp. 140–159. (In Russ.)
- 14 Sinchuk, S. D. “Sakral'nyi obraz ‘derevo-olen’ v severorusskoi narodnoi kul'ture” [“The Sacred Image of the ‘Tree-deer’ in the North Russian Folk Culture”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 1, 2021, pp. 77–95. (In Russ.)
- 15 Sokolova, Z. P. *Kul't zhivotnykh v religiiakh [Animal Worship in Religions]*, ex. ed. by V. N. Vasilov. Moscow, Nauka Publ., 1972. 213 p. (In Russ.)
- 16 Tolstoi, N. I. “Byk” [“Bull”]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]*, vol. 1. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, pp. 272–274. (In Russ.)

- 17 Toporov, V. N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы: v 2 t. [The World Tree: Universal Symbolic Systems: in 2 Vols.]*, vol. 1. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)
- 18 Tresidder, Dzh. *Slovar' simvolov [Dictionary of Symbols]*. Moscow, Grand: FAIR-Press Publ., 1999. 443 p. (In Russ.)
- 19 Chekalov, A. K. *Narodnaia dereviannaia skul'ptura Russkogo Severa [Folk Wooden Sculpture of the Russian North]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 191 p. (In Russ.)